

Борис Васильев: победные марши неуместны

Писатели продолжают отвечать на вопросы «МН»:

- 1. Что побудило вас писать о войне?**
- 2. Как соотносятся война в жизни и война в литературе?**

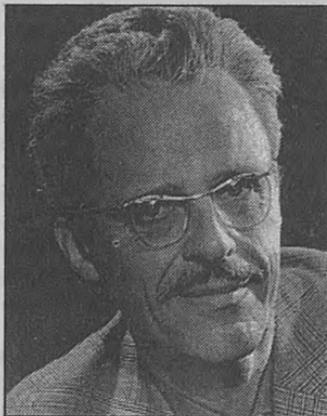
1. Я родился в зловещем 1924 году. Зловещем по уготованной судьбе. Мой год входит в состав тех четырех-пяти лет, из которых война унесла наибольшее количество жизней, а у оставшихся в живых — юность, весну каждого поколения, которая запоминается навсегда.

А писателем я вообще быть не собирался. Я окончил Военную академию бронетанковых и механизированных войск, работал испытателем боевых машин и был доволен своей судьбой. И вдруг, до сей поры не могу объяснить почему, еще в погонах написал пьесу «Офицер». Пьеса была поставлена в Центральном театре Советской армии и запрещена на второй премьере. Но к тому времени я успел возомнить себя драматургом и из армии демобилизовался. И

остался у разбитого корыта, не имея ни малейшего представления ни о чем ином, кроме того, что входит в профессию инженера-испытателя.

На счастье, меня взял в свою мастерскую сценарных курсов при Госкино Николай Федорович Погодин. Под его руководством я написал свой первый сценарий «Очередной рейс», в 1957 году поставленный Свердловской киностудией, стал профессиональным киносценаристом, членом Союза кинематографистов СССР.

А прозой заниматься боялся. Я был воспитан в преклонении перед русской литературой, и это сковывало все мои мечты. Но жадно читал все, что писали тогда бывшие лейтенанты, мои сверстники, люди сходной судьбы: Богомолов, Бакланов, Быков, Бондарев. Читал-читал, а потом вдруг ощутил что-то вроде протеста. Это была не моя война. Дело в том, что я окруженец 1941 года, вдо-

сталъ насчитавшийся по смоленским лесам без соседей и поддержки, без команд сверху и помощи огоньком. Я вообще чаще всего пишу от противного, мне надо с чем-то не согласиться. Я не согласился и в 45 лет за полгода написал первую повесть «А зори здесь тихие». И все последующие повести и рассказы о войне или о военном поколении — их у меня не так-то уж много — за редким исключением, объединяют мои герои: полудети, полувзрослые, непрофессиональные, наивные, неумелые и неуклюжие, потому что таких, с моей точки зрения, было подавляющее большинство.

2. Мы выиграли Великую Отечественную, и гордость наша, величие нашей победы дали нам силы не только пережить ее последствия, но и пронести свои незапятнанные знамена через поколения. А за полгода до величайшего праздника всего

мира, а для нас в особенности, именно мы во имя восстановления конституционного порядка породили отечественную войну, но уже против себя. Дело не в сравнении, флаг над рейхстагом и флаг над резиденцией Дудаева несравнимы, как несравнима трагическая фреска с газетной карикатурой. Дело в существе. Разгромленные в реляциях бандформирования обернулись сопротивлением чеченского народа, защищающего землю дедов и прадедов, свои семьи, жилища, мечети, могилы, саму жизнь и будущность в неравной, очень жестокой борьбе. А по улицам Москвы в полном конституционном порядке разгуливают фашисты и нацисты всех мастей, и «Майн кампф» можно приобрести без всякого труда. А груз «двести» летит и летит во все города и веси Российской Федерации, и рыдания матерей заглушат победные марши в день, который мы так почитали.

И мне не хочется сравнивать войну в жизни с войной в литературе. Для меня сегодня этот вопрос звучит некорректно, потому что войны, как выяснилось, делятся на отечественные и позорные. Давайте сначала хоть в этом разберемся.